Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 156.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):156.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 347.5
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_156

КОНЦЕПЦИЯ СОГЛАСИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЙ

СУНАГАТУЛЛИН Станислав Русланович
Аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), Российская Федерация

Аннотация: В статье обосновывается сделочная природа согласия при отсутствии автоматической применимости к нему всех норм о сделках. Показано, что само по себе согласие, как правило, не создает субъективного права на причинение вреда, но предоставляет юридическую возможность совершить действие, которое без согласия нарушало бы право потерпевшего. Особое внимание уделяется согласию потерпевшего в отношении личных неимущественных прав. Обосновывается недостаточность критерия нравственных принципов общества и предлагается определять объективные пределы согласия потерпевшего с учетом прав третьих лиц, публичных интересов и, в исключительных случаях, интересов самого потерпевшего на основе конституционного принципа пропорциональности.

Ключевые слова: согласие потерпевшего, юридический факт, сделка, личные неимущественные права, принцип пропорциональности

Для цитирования: Сунагатуллин С.Р. Концепция согласия потерпевшего в российском гражданском праве: вопросы квалификации и ограничений // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 156. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_156

Current Problems of Legal Science and Practice

Original article

THE CONCEPT OF VICTIM'S CONSENT IN RUSSIAN CIVIL LAW: LEGAL QUALIFICATION AND THE LIMITS OF CONSENT

SUNAGATULLIN Stanislav Ruslanovich
Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, bldg. 13, Russian Federation

Abstract: The article argues that consent is an act of a transactional nature, while the rules governing legal transactions do not automatically apply to it in their entirety. It is demonstrated that consent does not, as a rule, create a subjective right to cause harm, but confers a legal possibility to perform an act that would otherwise constitute a violation of the victim's right. Particular attention is paid to consent concerning personal non-property rights. The article argues that the criterion of the moral principles of society is insufficient and proposes determining the objective limits of consent with regard to the rights of third parties, public interests and, in exceptional cases, the interests of the victim, on the basis of the constitutional principle of proportionality.

Keywords: victim's consent, legal fact, legal transaction, personal non-property rights, principle of proportionality

For citation: Sunagatullin S.R. The Concept of Victim's Consent in Russian Civil Law: Legal Qualification and the Limits of Consent = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):156. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_156

Гражданский кодекс России предусматривает отказ в возмещении вреда, если вред причинен с согласия потерпевшего (абз. 2 п. 3 ст. 1064 ГК). Законодатель при регламентации согласия не сделал никаких отсылок к нормам, применимым к согласию, исключив из его сферы только действия делинквента, нарушающие нравственные принципы общества. Между тем возрастающая роль частной автономии человека, особенно в области личных неимущественных прав, ставит

© Сунагатуллин С.Р., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

перед частным правом вопросы об основаниях такой автономии и ее пределах.

Как нам представляется, для разработки последовательной и внутренне непротиворечивой концепции согласия потерпевшего на причинение вреда исследователю необходимо прежде всего определиться с квалификацией согласия как юридического факта, а затем, следуя логике законодателя, установить возможные пределы такого согласия, то есть случаи, при которых согласие потерпевшего не будет препятствовать возмещению вреда.

1. Согласие в системе юридических фактов

В отсутствие специальных исследований, посвященных согласию на причинение вреда в системе юридических фактов, мы вынуждены прибегнуть к небольшому экскурсу в отечественное учение о юридических фактах.

Важным этапом развития отечественного учения о юридических фактах стала работа М.М. Агаркова, являющегося одним из немногих отечественных цивилистов, отдельно упоминавших согласие на причинение вреда. Автор отмечает неисследованность вопроса о юридических актах в отношении личных прав, а конкретно – согласия управомоченного лица на вторжение в сферу, охраняемую личным правом, однако не останавливается подробно на вопросе, но допускает применение ряда положений (например, ст. 31 ГК РСФСР 1922 г., устанавливающей недействительность сделки, совершенной лишенным дееспособности или временно находящимся в таком состоянии) по аналогии к согласию на причинение вреда [6, С. 227].

Критика узкого подхода М.М. Агаркова к юридическим поступкам была представлена О.А. Красавчиковым, предложившим ныне классическое понятие юридического поступка, охватывающего совершенно разные по своей природе явления: от создания объекта до уведомления. Однако и при таком подходе ученый указывал на применимость к некоторым поступкам (названным нематериальными) требований к дееспособности и отдельных норм о сделках [10, С. 216–218].

Иными словами, действительной проблемой классификации любого юридического действия (а не только согласия на причинение вреда) является вопрос о применимости норм о сделках к нему в качестве общего правила (поскольку и к сделкоподобным действиям сделочные нормы могут применяться по аналогии).

В современной литературе согласию не посвящено самостоятельных исследований – как правило, институт лишь упоминается в работах по деликтному праву как обстоятельство, исключающее ответственность (противоправность), однако некоторые согласия потерпевшего получили квалификацию в системе юридических фактов.

Так, Останина Е.А. отрицает сделочную природу согласия на медицинское вмешательство, но признает согласия на использование имени, изображения сделкой, которое может быть дано как по договору, так и сделкой-согласием [15]. Согласие на медицинское вмешательство автор относит к особой категории правомерных действий, имеющих своим содержанием совершение фактических действий. Сходство со сделкой признается, поскольку согласие отражает свободу и автономию личности и имеет юридические последствия, однако отличается от нее, так как воля пациента не направлена на регламентацию будущих прав и обязанностей. В качестве дополнительных аргументов несделочной природы согласия пациента приводится возможность дать согласие на медицинское вмешательство недееспособным [14, С. 29–37].

Малеина М.Н. также рассматривает согласие на медицинское вмешательство не в качестве сделки, а как акцепт, основанный «на правомочии распоряжаться своим здоровьем» [11].

Представляется также полезным обращение к опыту немецкого правопорядка, в котором тема согласия на причинение вреда плодотворно обсуждалась на протяжении всего прошлого столетия.

Согласие потерпевшего не было закреплено в Германском гражданском уложении (ГГУ) и длительное время квалифицировалось доктриной в качестве сделки [5, 48]. Ключевым решением к отказу от модели объяснения согласия через сделку послужило решение Федерального Верховного Суда Германии в 1958 году [1, S. 42]: почти совершеннолетний истец прямо попросил врача не получать согласия его родителей перед операцией. Федеральный верховный суд использовал это дело как повод отказаться от сделочного подхода к согласию, не применив норму о законных представителях, и прямо указал, что согласие потерпевшего не является сделкой, допустил согласие несовершеннолетнего, если он способен оценить значение и объем вмешательства и дает разрешение на вмешательство в соответствии со своей умственной и моральной зрелостью.

Такой выбор квалификации согласия потерпевшего был, по всей видимости, во многом обусловлен двумя факторами, свойственными немецкому праву.

Во-первых, одним из значимых отличий немецкого и российского правопорядков по этому

вопросу является то, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет по российскому праву заключают действительные (т.е. производящие правовой эффект, на который они направлены) сделки, которые должны быть одобрены родителями или могут быть ими оспорены. Иными словами, способность сформировать и выразить волю для совершения сделки за несовершеннолетними в целом признается с 14 лет. Напротив, немецкая неполная дееспособность несовершеннолетних принципиально отлична: выделяются лишь две категории несовершеннолетних (до 7 лет и от 7 лет до 18 лет (§§ 104, 106, 107 ГГУ)), а последствием совершения сделки несовершеннолетним, в том числе старше 14 лет, без согласия законных представителей является ее «подвешенная недействительность» (schwebende Unwirksamkeit) (§ 108 ГГУ).

Во-вторых, значимое отличие заключается в разном регулировании согласия в сфере нематериальных благ. Ограниченное применение норм о сделкоспособности к согласиям несовершеннолетних объясняется в немецком праве «семейно-правовым напряжением между родительской опекой и возрастающей зрелостью подростков» [1, S. 293–294], а специальное регулирование согласия несовершеннолетних в области личных неимущественных прав (и, прежде всего, согласия на медицинское вмешательство) в Германии отсутствует [4, P. 531–532]. Исходя из этого, предпосылки заимствования немецкого судебного подхода и сложностей в квалификации согласия на причинение вреда несовершеннолетних в российском праве существенно смягчены: отечественный законодатель традиционно устанавливал и продолжает регулировать согласие на медицинское вмешательство, устанавливая для него особый возраст способности дать согласие в 15 лет, отличный от норм о неполной дееспособности несовершеннолетних (ст. 26 ГК РФ). Однако за пределами медицинского вмешательства вопрос о возрасте согласия на причинение вреда не находит ответа в законодательстве.

В то же время соображения и вопросы немецкой дискуссии по вопросу применения общих норм о сделкоспособности к согласию потерпевшего, представляют интерес для отечественного права, в том числе в отношении выработанного подхода к «согласиеспособности» несовершеннолетних, определять которую предлагается в конкретном деле, а не устанавливать общий возраст. Так, российское право прямо допускает предоставление согласия на медицинское вмешательство недееспособными лицами, опираясь на фактическую возможность недееспособного выразить согласие. Так, ч. 2 и ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривают дачу информированного согласия на медицинское вмешательство, отказ от него и отзыв согласия недееспособным лицом, которому назначен законный представитель, если такое лицо по своему состоянию способно дать согласие (отказ или отзыв) на медицинское вмешательство.

На наш взгляд, ситуации с допущением согласия на причинение вреда недееспособным в виде согласия на медицинское вмешательство могут быть объяснены, пользуясь терминологией М.М. Агаркова, путем использования – в качестве исключения из генерализирующего подхода к определению дееспособности – подхода индивидуализирующего, т.е. предполагающего в отношении каждого отдельного лица устанавливать, было ли оно способно понимать значение своих поступков при совершении того или иного конкретного действия [7, С. 160].

Как представляется, к схожему (гибкому) подходу, подразумевающему признание согласия потерпевшего сделкой и, вместе с тем, отрицательный ответ на автоматическое применение всех норм о сделках (в том числе норм о дееспособности несовершеннолетних), пришла немецкая доктрина. Так, в 1965 году В. Розенер [2, S. 133] предложил ценный методологический подход, исходящий из того, что отнесение определенного явления к тому или иному правовому институту не обязательно подразумевает применимость всех положений, предусмотренных для этого института в законе. На основе чего автором предпринимается попытка разрешить проблему самоопределения лиц с неполной дееспособностью – вопроса, приведшего суды Германии к отказу от сделочного подхода. Он пришел к выводу, что, исходя из правовой идеи различных степеней зрелости, способность к согласию должна в целом отрицаться, если лицо моложе 14 лет, и в целом допускаться, если лицо старше 18 лет. В промежуточном диапазоне следует учитывать способность несовершеннолетнего дать согласие с учетом индивидуальных обстоятельств дела.

Вместе с тем, если возвращаться к «чистому» понятию сделки, следует признать, что согласие потерпевшего действительно далеко не всегда порождает правоотношение между потерпевшим и делинквентом в том смысле, что согласие не всегда создает субъективное право на стороне делинквента. С другой стороны, признание

допустимости согласия потерпевшего в отношении нематериальных благ ставит вопрос об ограничениях такого согласия.

2. Правовая позиция делинквента после получения согласия потерпевшего

Правовая позиция делинквента после получения согласия нередко квалифицируется в качестве субъективного права. Здесь можно отметить оригинальную находку советских цивилистов: несмотря на то, что ГК РСФСР 1922 г. (как и последующее советское гражданское законодательство) не упоминало согласие потерпевшего, некоторые ученые, однако, относили его к обстоятельствам, исключающим противоправность деяния. Статья 403 ГК РСФСР называла управомоченность причинителя вреда как исключающее противоправность деяния обстоятельства, что позволило К.М. Варшавскому учесть согласие потерпевшего в рамках нее [8, С. 90–91].

В то же время если проблема правовой позиции делинквента, получившего согласие потерпевшего на причинение вреда имуществу, не стоит остро (в силу признания имущественных прав вполне распоряжаемыми и отчуждаемыми), то в вопросе согласия потерпевшего на причинение вреда личным неимущественным правам и нематериальным благам квалификация позиции делинквента как субъективного права до некоторой степени подрывает постулат об их неотчуждаемости и непередаваемости.

В литературе иногда в качестве предмета сделки с нематериальным благом рассматривается субъективное право на нематериальное благо [12], иногда отдельно выделяется право на использование такого блага [13, С. 115-130], которое в отличие о неотчуждаемого имени можно передавать третьим лицам. А.Е. Шерстобитов разграничивает неотделимые от личности носителя личные блага и личные права, которые их охраняют. Поэтому если первые не являются оборотоспособными, то вторые в ряде случаев могут использоваться в гражданском обороте [9, С. 437].

Яценко Т.С. ставит вопросы о предмете сделки по поводу имени, ее природы, возможной формы и условий, однако идет дальше, обсуждая и правовую позицию «делинквента», и проблему пределов согласия правообладателя. У автора согласие на имя не является самостоятельным правом, хотя ученая и признает, что выделение особого имущественного права позволяет обеспечить участие в обороте сугубо нематериальных объектов без посягательства на их природу, предпочитая квалифицировать данную возможность в качестве правомочия в составе личного неимущественного права на имя. Ученая оправданно указывает, что в результате согласия правообладателя на использование его имени между ним и «делинквентом» возникает обязательственное правоотношение, при этом в рамках данного обязательства у пользователя возникает имущественное право, которое может принадлежать физическим и юридическим лицам и при определенных условиях способно отчуждаться [22].

Связь между отзывностью согласия на причинение вреда и правовой позицией делинквента также была выявлена в литературе. Яценко Т.С., исходя из разъяснений Верховного Суда по согласию на использование изображение указывает, что, поскольку закон допускает возникновение имущественного правоотношения, объектом которого является нематериальное благо, и устанавливает возмещение убытков, причиненных отзывом согласия, то возникшее правоотношение связывает правообладателя и пользователя, является по своей сути обязательственным, а значит, у «делинквента» есть субъективное право – имущественного характера и производного от согласия. Возможность отзыва согласия на нематериальное благо связывается автором с невозможностью принудить физическое лицо к использованию принадлежащих ему нематериальных благ, после отзыва согласия существование возникшего по этому поводу обязательства теряет смысл [22].

Останина Е.А., анализируя уже предусмотренные законодательством случаи добровольного ограничения в пользу третьего лица своих нематериальных благ, указывает, что на основе этих благ гражданин может создавать производные права, допуск к осуществлению которых может стать предметом сделки. По мнению ученой, предметом такого разрешения субъекта права не является само имущество или благо, однако «в результате такого волеизъявления адресат получает право совершить определенное действие, которое без этого разрешения признавалось бы нарушением личного неимущественного права на имя» [16].

Анализируя механизм возникновения правовой позиции «делинквента» в ситуациях предусмотренных согласий на причинение вреда личным неимущественным правам, Останина Е.А. опирается на производное конститутивное правоприобретение. Таким образом, субъективное право «делинквента» возникает в результате согласия потерпевшего-субъекта права и является случаем производного приобретения права.

Изложенные подходы позволяют утверждать, что в российской современной доктрине за

делинквентом признается субъективное право на причинение вреда после получения согласия потерпевшего. Мы соглашаемся с тем, что правовая позиция делинквента, получившего согласие на причинение вреда, может являться субъективным правом, однако не в силу данного согласия потерпевшего, а в результате реализации юридического состава, частью которого является согласие потерпевшего (например, предоставление согласия потерпевшего во исполнение договорной обязанности или регистрация товарного знака с согласия правообладателя по подп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ). На наш взгляд, данное Останиной Е.А. определение согласия на причинение вреда являются исчерпывающим, последствием согласия на причинение вреда является только лишь возможность нарушить право (в т.ч. личное неимущественное).

В этой связи особую ценность для нашей концепции представляет признание за согласием потерпевшего возможности его отзыва. При взгляде на правовую позицию делинквента с точки зрения возможности отзыва согласия потерпевшего становится очевидна невозможность (по крайней мере, в качестве общего правила) ее квалификации в качестве субъективного права, так как делинквент не приобретает юридически обеспеченную возможность причинять вред, но в то же время его правовая позиция исключительна (в том плане, что аналогичная возможность отсутствует у всех третьих лиц) и не сводима к правоспособности.

В этом смысле согласие на причинение вреда создает ситуацию, похожую на казус с тарелкой супа, цитируемый С.В. Третьяковым в связи с рассуждениями о том, любой ли набор элементов-правомочий может образовать стабильную юридически обеспеченную поведенческую возможность [18]. Ученый отрицает существование в данном случае субъективного права в связи с отсутствием исключительной поведенческой возможности, однако впоследствии, насколько мы понимаем, ученый уточнил свои взгляды, используя в качестве ключевого критерия наличия субъективного права существование у лица распорядительной власти в отношении поведенческой возможности и юридического императива [19, С. 14].

Однако в общем виде и особенно применительно к согласию потерпевшего в области личных неимущественных прав говорить о возникновении у делинквента субъективного права в силу только лишь согласия потерпевшего не приходится. Указанное не означает, что делинквент вовсе не приобретает никакой правовой позиции – как было показано, у делинквента очевидно появляется новая правовая возможность, отличающаяся от его правоспособности и отсутствующая у любых третьих лиц.

3. Пределы согласия потерпевшего

В литературе границей согласия потерпевшего обычно называют распоряжаемость соответствующим благом, на причинение вреда которому дается согласие.

Е.А. Флейшиц полагает, что права на жизнь, на здоровье, на личную свободу и на телесную неприкосновенность, несомненно, не могут быть предметом гражданско-правовых сделок. Однако Е.А. Флейшиц предлагает урегулировать «ограничение» телесной неприкосновенности в виде соглашения о производстве хирургической операции [21, С. 237–238]. Таким образом, Е.А. Флейшиц, хотя и исключает личные права из любого сделочного регулирования, прямо признает допустимость некоторых таких сделок, и, что более важно, проводит идею автономии пациента в сфере медицинских вмешательств. Мы согласны с выводами ученой в части обеспечения автономии пациента, но обращаем внимание на то, что предложенный критерий распоряжаемости не помогает (а даже вредит) признанию такой автономии, а сама автономия характерна для всех гражданско-правовых отношений (ст. 2 ГК РФ).

В аналогичное противоречие, как представляется, впадают и В.Т. Смирнов и А.А. Собчак. Ученые указывают, что телесная неприкосновенность, жизнь и здоровье не могут быть предметом согласия потерпевшего. Подробно разбирая пример из практики Верховного Суда РСФСР о неудачной попытке студента уйти в академический отпуск, закончившейся его смертью, авторы полагают, что причинение увечья или смерти с согласия или даже по настоятельной просьбе потерпевшего всегда противоправно. При этом ученые предлагают отличать от согласия случаи причинения вреда в условиях правомерного риска, когда потерпевший также дает свое согласие на совершение действий, в результате которых ему может быть причинен вред, как в случае с согласием больного на операцию или на лечение новыми препаратами [17, С. 66, 69–70]. Почему в этой ситуации у потерпевшего появляется возможность поставить свое – в иных отношениях нераспоряжаемое – здоровье под риск неудачной операции и, как следствие, вреда, авторы не уточняют.

Схожего подхода придерживается и современная литература: просьба или согласие на причинение вреда должны быть выражены в

пределах свободного распоряжения принадлежащими лицу благами, а повреждение здоровья гражданина, лишение его жизни всегда должны рассматриваться как противоправные [23].

На наш взгляд, правомочие распоряжения характерно и для личных неимущественных прав и не может быть сведено к вопросу об отчуждаемости соответствующих нематериальных благ. Как указывает С.В. Третьяков [19, С. 166, 326], категория распоряжения может пониматься в двух смыслах. В узком смысле данная категория рассматривается, прежде всего, в контексте права собственности и означает возможность субъекта определять юридическую судьбу соответствующего права. В более широком значении распоряжаемость охватывает не только решение о судьбе права, но и его защиту, в том числе посредством предъявления исковых требований, а также реализацию самого права: «даже личные неимущественные права (самый спорный случай) могут рассматриваться как распоряжаемые, хотя и подразумевающие наличие у управомоченного лишь сравнительно узкого круга распорядительных возможностей». При этом ключевым условием осуществления данного правомочия выступает автономия воли субъекта, которая характерна и для личных неимущественных прав.

Таким образом, следует признать, что полномочие распоряжения свойственно и личным неимущественным правам, что не тождественно выводу об их отчуждаемости.

Другим критерием для установления пределов согласия могли бы служить нравственные принципы общества. Исходя из текста абз. 2 п. 3 ст. 1064 ГК РФ, можно заключить, что законодатель принял решение поставить таким пределом нравственные принципы общества.

В немецкой литературе противоречие нравственности используется для обоснования недействительности согласия для решения трех различных проблем. Во-первых, к законодательным запретам и добрым нравам обращаются для определения нераспоряжаемого ядра личных неимущественных прав. Во-вторых, противоречить добрым нравам может не само согласие, а договор, лежащий в его основе, например, в случае нарушения баланса встречных предоставлений. В-третьих, на ничтожность согласия на причинение вреда из-за противоречия добрым нравам ссылаются в ситуациях, когда делинквент получил согласие, используя затруднительное положение дающего согласие лица.

Как убедительно показывает А. Оли, применительно к двум последним категориям аналогичного результата в виде непризнания эффекта согласия можно достичь путем применения сделочных норм: проверки волеизъявления потерпевшего на соблюдение формы, его толкования, а также установления пороков воли [1, S. 446]. Нам также представляется, что в основном вопрос ограничения действия согласия может и должен решаться на основе общих сделочных норм и принципов. Таким образом, нравственные принципы общества могут использоваться только лишь для определения нераспоряжаемого ядра личных неимущественных прав.

Может ли быть безнравственным действие причинителя вреда в той степени, в которой исключалось бы согласие потерпевшего, то есть потерпевшему, вопреки его в остальном действительному согласию и в противоречие с предшествующим поведением правопорядок давал бы иск из причинения вреда?

Немецкий опыт показывает, что критерий противоречия нравственности оказывается неподходящим для положительного ответа на этот вопрос. Так, в одном из решений Федерального Верховного Суда Германии [3, S. 1790] согласие на стерилизацию оценивалось с точки зрения добрых нравов, понимаемых как «основные представления о том, какое нравственное поведение, согласно господствующим воззрениям нашего правового и культурного круга, требуется от индивида в рамках социальной общности». В литературе отмечается, что в действительности этот абстрактный критерий фактически не имел значения для дальнейшего обоснования решения, а ключевым аргументом была не моральная оценка добровольной стерилизации, а баланс между правом на самоопределение и защитой дающего согласие лица от непродуманного и необратимого отказа от особо ценного блага. Этот поиск компромисса, подробно проводимый Федеральным Верховным Судом Германии в мотивировочной части решения, проходил без обращения к моральным доводам: суд пришел к выводу, что потерпевший не может дать такое согласие, поскольку его правомочие распоряжения изначально ограничено [1, S. 410].

Дополнительно интересно провести аналогию с российским правом, в котором предусмотрено достаточно строгое законодательное ограничение допустимости медицинской стерилизации без медицинских показаний: согласно ч. 1 ст. 57 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» эта процедура может быть проведена только по письменному заявлению гражданина в

возрасте старше тридцати пяти лет или гражданина, имеющего не менее двух детей. Позволяет ли сформулированный таким образом законодательный запрет стерилизации ответить на вопрос о (без)нравственности этого медицинского вмешательства при несоблюдении условий о возрасте или наличии детей? Как нам представляется, этот пример наглядно показывает неубедительность используемой законодателем категории нравственных принципов общества, которые якобы могут осуждать какое-то действие делинквента как таковое: та или иная медицинская манипуляция или, шире, действие делинквента может оказаться как нравственным и разрешенным, так и безнравственным в зависимости от обстоятельств конкретного случая.

Таким образом, критерий безнравственности (согласия потерпевшего или действий делинквента) является бессодержательным, за ним можно признать лишь формальное значение как инструмента судебного правотворчества.

Для определения объективных пределов распоряжения правом или благом немецкая доктрина предлагает искать баланс между интересом правообладателя к самоопределению и факторами, препятствующими действительности распоряжения, с опорой на используемый главным образом в конституционном праве принцип соразмерности [1, S. 410 ff.]. Тест пропорциональности для ограничения личных неимущественных прав в российской литературе был также предложен А.Х. Ульбашевым [20, С. 165].

Тест пропорциональности позволяет не только найти баланс двух конфликтующих прав, но и обосновать всякое ограничение прав. Первый этап этого теста предполагает выявление коллизии. На втором этапе происходит обоснование законности ограничения права: 1) выявляется политико-правовая цель ограничения; 2) выявляется объективная связь между ограничением права и достигаемой целью; 3) устанавливается, отвечает ли цель ограничения требованиям правопорядка; 4) осуществляется поиск непосредственно баланса (тест пропорциональности в узком смысле). На третьем этапе определяются наиболее эффективные средства правовой защиты.

Возможные правомерные цели, или основания, с которыми может конфликтовать автономия потерпевшего, включают в себя права третьих лиц, публичные интересы, а в исключительных случаях – защиту распоряжающегося лица от неблагоприятных последствий его собственного решения в ситуации, угрожающей необратимой утратой свободы (патерналистские интересы). В последнем случае риски излишнего патернализма могут смягчаться признанием отзывности согласий в области личных неимущественных прав, при котором потребность в определении объективных пределов согласия потерпевшего снижается.

Список источников

1. Ohly A. Volenti non fit iniuria. Die Einwilligung im Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002.
2. Rosener W. Die Einwilligung in Heileingriffe, Diss. Berlin, 1965.
3. Urteil des Bundesgerichtshofes vom 29. Juni 1976 VI ZR 68/75 // Neue Juristische Wochenschrift. München: C.H. Beck Verlag, 1976. Vol. 29. S. 1790.
4. von Bar C. The Common European Law of Torts. Volume Two: Damage and Damages, Liability for and without Personal Misconduct, Causality, and Defences. Oxford: Oxford University Press.
5. Zitelmann E. Ausschluss der Widerrechtlichkeit // Archiv für die civilistische Praxis. 1906.
6. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М.: Статут, 2012.
7. Агарков М.М. Правоотношение (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. 2022. № 3.
8. Варшавский К.М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда / К.М. Варшавский. Москва: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929.
9. Гражданское право: Учебник: В 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2019.
10. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Москва, 1958.
11. Малеина М.Н. Договор об участии здорового гражданина в клиническом исследовании новых методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации // Медицинское право. 2020. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7.
13. Новоселова Л.А. Распоряжение телом человека: гражданско-правовой аспект // Закон. 2021. № 8.
14. Останина Е.А. О природе и содержании информированного согласия на медицинскую помощь // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 1.
15. Останина Е.А. О договорном механизме приобретения права на использование элементов образа физического лица // Вестник гражданского права. 2025. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Останина Е.А. Право на использование имени как объект договора. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22 марта 2022 года № 43-КГ21-7-К6 // Вестник

экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах. Л., 1983.

18. Третьяков С.В. О проблеме догматической квалификации «правомочия распоряжения» // Основные проблемы частного права: сборник статей к юбилею д-ра юрид. наук, проф. Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010.

19. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. … докт. юр. наук 12.00.03. Москва, 2022.

20. Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. Москва, 2019.

21. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015.

22. Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд. М., 2019. Т. 3. С. 21; Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: Учебное пособие. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Ohly A. Volenti non fit iniuria. Die Einwilligung im Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002.

2. Rosener W. Die Einwilligung in Heileingriffe, Diss. Berlin, 1965.

3. Urteil des Bundesgerichtshofes vom 29. Juni 1976 VI ZR 68/75 // Neue Juristische Wochenschrift. München: C.H. Beck Verlag, 1976. Vol. 29. S. 1790.

4. von Bar C. The Common European Law of Torts. Volume Two: Damage and Damages, Liability for and without Personal Misconduct, Causality, and Defences. Oxford: Oxford University Press.

5. Zitelmann E. Ausschluss der Widerrechtlichkeit // Archiv für die civilistische Praxis. 1906.

6. Agarkov M.M. Ponyatie sdelki po sovetskomu grazhdanskomu pravu // Agarkov M.M. Izbranny`e trudy` po grazhdanskomu pravu. V 2 t. T. 1: Social`naya cennost` chastnogo prava i otdel`ny`x institutov obshhej chasti grazhdanskogo prava. M.: Statut, 2012.

7. Agarkov M.M. Pravootnoshenie (gl. XII maketa uchebnika po teorii gosudarstva i prava 1948 g.) // Vestnik grazhdanskogo prava. 2022. № 3.

8. Varshavskij K.M. Obyazatel`stva, voznikayushhie vsledstvie prichineniya drugomu vreda / K.M. Varshavskij. Moskva: Yurid. izd-vo NKYu RSFSR, 1929.

9. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 4 t. T. 2: Veshhnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual`ny`e prava. Lichny`e neimushhestvenny`e prava / Otv. red. E.A. Suxanov. 2-e izd. pererab. i dop. M.: Statut, 2019.

10. Krasavchikov O.A. Yuridicheskie fakty` v sovetskom grazhdanskom prave. Moskva, 1958.

11. Maleina M.N. Dogovor ob uchastii zdorovogo grazhdanina v klinicheskom issledovanii novy`x metodov profilaktiki, diagnostiki, lecheniya i reabilitacii // Medicinskoe pravo. 2020. № 5 // SPS «Konsul`tantPlyus».

12. Maleina M.N. Ponyatie i vidy` nematerial`ny`x blag kak ob``ektov lichny`x neimushhestvenny`x prav // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 7.

13. Novoselova L.A. Rasporyazhenie telom cheloveka: grazhdansko-pravovoj aspekt // Zakon. 2021. № 8.

14. Ostanina E.A. O prirode i soderzhanii informirovannogo soglasiya na medicinskuyu pomoshh` // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2022. T. 7, vy`p. 1.

15. Ostanina E.A. O dogovornom mexanizme priobreteniya prava na ispol`zovanie e`lementov obraza fizicheskogo licza // Vestnik grazhdanskogo prava. 2025. № 2 // SPS «Konsul`tantPlyus».

16. Ostanina E.A. Pravo na ispol`zovanie imeni kak ob``ekt dogovora. Kommentarij k Opredeleniyu Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam VS RF ot 22 marta 2022 goda № 43-KG21-7-K6 // Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2023. № 1 // SPS «Konsul`tantPlyus».

17. Smirnov V.T., Sobchak A.A. Obshhee uchenie o deliktny`x obyazatel`stvax. L., 1983.

18. Tret`yakov S.V. O probleme dogmaticheskoj kvalifikacii «pravomochiya rasporyazheniya» // Osnovny`e problemy` chastnogo prava: sbornik statej k yubileyu d-ra yurid. nauk, prof. Aleksandra L`vovicha Makovskogo / otv. red. V.V. Vitryanskij, E.A. Suxanov. M.: Statut, 2010.

19. Tret`yakov S.V. Razvitie ucheniya o sub``ektivnom chastnom prave v zarubezhnoj civilistike: dis. … dokt. yur. nauk 12.00.03. Moskva, 2022.

20. Ul`bashev A.X. Obshhee uchenie o lichny`x pravax. Moskva, 2019.

21. Flejshicz E.A. Lichny`e prava v grazhdanskom prave Soyuza SSR i kapitalisticheskix stran // Flejshicz E.A. Izbranny`e trudy` po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. 1. M.: Statut, 2015.

22. Yacenko T.S. Imya fizicheskogo licza kak predmet sdelki: ot kritiki do priznaniya v grazhdanskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. 2022. № 3 // SPS «Konsul`tantPlyus».

23. Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. A.P. Sergeeva. 2-e izd. M., 2019. T. 3. S. 21; Shevchenko A.S., Shevchenko G.N. Deliktny`e obyazatel`stva v rossijskom grazhdanskom prave: Uchebnoe posobie. M.: Statut, 2013 // SPS «Konsul`tantPlyus».

Статья поступила в редакцию 10.09.26;
одобрена после рецензирования 14.09.26;
принята к публикации 15.09.26.

The article was submitted 10.09.26;
approved after reviewing 14.09.26;
accepted for publication 15.09.26.